

IOANNA MILLA

ПРОЕКТ «СБЛИЖЕНИЕ»

Мир страсти и искушений
в виртуальной реальности.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

IOANNA MILLA

Проект «погружение»

«Автор»

2026

MILLA I.

Проект «погружение» / I. MILLA — «Автор», 2026

Захватывающий мир, опасные соблазны, идеальных партнёров и полная свобода выбора. Стоило надеть шлем — и граница между игрой и жизнью начала исчезать. Каждое решение казалось безобидным. Каждое желание — исполненным. Каждый риск — ненастоящим. Но почему события из виртуального мира начинают отражаться в реальности? Почему люди вокруг знают вещи, которые должны были остаться внутри игры? Когда правда всплывёт на поверхность, станет ясно: это никогда не было развлечением.

© MILLA I., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Проект «погружение»

Глава

1 глава

Марина сидит за своим рабочим столом на двадцать третьем этаже офиса «Nexus Interactive», и её пальцы барабают по краю кофейной чашки — ритмично, как код, который она писала до обеда. Вокруг неё гудят серверные фермы, за стеклянными перегородками слышны возгласы тестировщиков, натякающихся на очередной баг в боевой системе. Она — ведущий аналитик игровых механик, и её работа заключается в том, чтобы разбирать чужие миры на атомы, находить в них трещины и сшивать заново.

Сегодня пятница. За окном Москва тонет в сентябрьском золоте, но Марина не поднимает глаз. На мониторе — отчёт, в наушниках — подкаст о нейросетевой генерации диалогов. Рутинка. Она живёт в этой рутине уже три года: утренний кроссфит, час в метро, восемь часов разбора метрик, вечерние созвоны с корейскими партнёрами. Друзья зовут в бар — она откладывает. Мама звонит — она обещает приехать в следующий раз. Время слишком быстро превращается в дедлайны.

Но есть одна вещь, которую Марина не откладывает. В запертом шкафу у окна, стоит прототип VR-шлема «Egos Engine» — секретный проект, над которым Nexus молчит даже перед инвесторами. Она подписала NDA год назад, получила доступ к альфа-тестированию, и с тех пор каждую пятницу, после того как коллеги разбредутся по домам, она остаётся одна в пустом офисе.

Сегодня — релиз-кандидат. Версия 0.9. Марина знает, что ждёт: нейроинтерфейс нового поколения, полная сенсорная иммерсия, сюжетные ветвления, адаптирующиеся к микро-эмоциям игрока. Маркетинг называет это «эмоциональным кинематографом». Инженеры — «симуляцией присутствия». Она сама писала спецификацию к системе обонятельной обратной связи.

В десять вечера офис пустеет. Марина берёт шлем из шкафа, её длинные светлые волосы спадают на плечи, скользят по спине при каждом движении. Она не заплетает их — протокол требует свободы сенсоров кожи головы. Её серо-голубые глаза отражаются в чёрной визоре, и в них — тот самый тихий вызов, который коллеги принимают за холодность, а бармены — за флирт.

Она усаживается в специальное кресло, регулирует ремни тактильной обратной связи по бёдрам и груди. Кожа под тонкой блузкой вспыхивает мурашками от холодного синтетика. Пальцы находят кнопку инициализации.

«Добро пожаловать в Egos Engine, — шепчет голос, не принадлежащий ни мужчине, ни женщине, — подготовьтесь к полному погружению.»

Марина закрывает глаза. Сначала — лёгкое покалывание в висках, потом ощущение падения вниз, хотя тело остаётся неподвижным. Запахи приходят первыми: сандаловое дерево, пот, что-то сладкое и тяжёлое, похожее на перезревшую сливу. Потом — звуки: шелест шёлка, далёкий смех, прибой, хотя она знает, что за окном сентябрьская слякоть.

Когда она открывает глаза, она стоит на мраморной террасе, обращённой к закату, который невозможен в природе — слишком насыщенный, слишком медленный. Её руки — не её руки, и одновременно именно её: те же длинные пальцы, те же полумесяцы на ногтях, но одетые в перчатки без пальцев, из какого-то тонкого, почти невесомого металла. Перед ней — дверь. За дверью — голос, который зовёт не именем, но каким-то звуком, который её тело узнаёт раньше, чем разум.

Марина делает шаг вперёд, и мир сжимается вокруг неё, становится плотным, влажным, живым. Она забывает про NDA, про дедлайны, про кофейную чашку, оставленную на столе. Она забывает, что это игра — или, точнее, перестаёт помнить, что между «играть» и «быть» есть разница.

Дверь открывается.

2 глава

Марина переступает порог, и мраморная терраса растворяется в воздухе, словно её никогда не существовало. Вместо неё — пространство без границ, где песок цвета расплавленного янтаря струится под ногами, а небо разделено на две половины: одна сторона горит закатом, другая — холодным сумраком. Она стоит на стыке, и оба мира осязаемы — тепло южного ветра на левой щеке, прохлада сентябрьского дождя на правой.

Перчатки на её руках пульсируют, металл приобретает температуру кожи. Марина поднимает ладони перед лицом, разглядывая узоры, которые проступают на поверхности — тонкие линии, похожие на нейронные связи, карты метро, реки на старых атласах. Система читает её. Не мысли — тело. Пульс, пот, микродвижения зрачков.

— Ты ищешь кого-то, — голос снова, теперь ближе, с запахом ванили и дыма от костра. — Или что-то.

Марина не отвечает. Она идёт вперёд, и песок под ногами меняет текстуру — сначала мокрый, как после шторма, потом сухой, как в теплицах Ботанического сада, где она гуляла в детстве. Каждый шаг порождает звук: шелест, скрип, иногда — шёпот чужих имён.

Перед ней возникает здание. Не построенное — выращенное: стены из переплетённых корней, потолок из листьев, пропускающих свет в рваных полосах. Внутри — длинный стол, за ним фигура в белом. Не мужчина, не женщина — оба и ни одно. Руки, которые знают вес ножа. Плечи, которые несут ответственность за чужой голод.

— Шеф, — произносит Марина, и слово выскальзывает до того, как она успевает подумать, откуда оно взялось.

Фигура поворачивается. Лицо — набор возможностей, черты меняются, когда Марина моргает: скулы то ли азиатские, то ли славянские, глаза то ли карие, то ли зелёные. Но улыбка — постоянна. Улыбка человека, который видел, как она ест в одиночестве, и не осудил.

— Ты голодна? — спрашивает шеф, и вопрос звучит иначе, чем должен. Не о еде.

Марина чувствует, как кровь приливает к шее, к запястьям, к местам, где перчатки облегают кожу. Она не отвечает сразу. Смотрит на стол — там нет посуды, только инструменты: ножи с лезвиями из затвердевшего света, вилки, которые изгибаются, как хочет их держатель, чаши, в которых что-то движется, но не разливается.

— Я здесь, чтобы исследовать, — говорит она наконец, и голос звучит тише, чем она рассчитывала.

— Исследование начинается с выбора, — шеф отходит от стола, и движение — грация, которая не принадлежит ни одной школе танца, ни одному виду спорта. Движение тела, которое знает своё пространство. — Кем ты будешь здесь? Не кем тебе сказали быть. Кем ты хочешь.

Пространство вокруг Марины сжимается до размеров комнаты примерок. Зеркала со всех сторон, но в них не отражается её офисный образ — тонкая блуза, которую она носила в реальности, здесь выглядит чужой, временной. Система предлагает варианты не словами, а ощущениями: холод стали на коже, тяжесть кожи, вес шёлка, который не скользит, а обнимает.

Марина поднимает руки, и перчатки реагируют — металл течёт, переплетается, образует новые формы. Она чувствует каждое изменение: как материал облегает пальцы, как швы прилегают к ладоням, как вес распределяется так, чтобы она забыла о нём.

— Я хочу, — начинает она и останавливается. В реальности она никогда не говорила эти слова вслух. Я хочу.

Зеркала показывают варианты. Воин в доспехах из высохших цветов — красиво, но нет. Путник в плаще из карт звёздного неба — близко, но не это. И потом — она сама, но не та, что входила: те же светлые волосы, но собранные не в привычный хвост, а распущенные, с прядями, которые движутся сами, реагируя на воздух. Та же смуглая кожа, но без следов усталости под глазами, без линии от носа, которую она ненавидела в фотографиях. Тело — её, но расслабленное, как после массажа, которого она себе не позволяла месяцами.

Одежда собирается вокруг этого образа. Не костюм — скорее, предложение. Тонкая ткань, цвета которой нет в реальности: между бордо и ржавчиной, между закатом и кровью. Она облегает плечи, оставляет спину открытой до поясницы, там, где позвонки выступают холмиками. Юбка — нет, не юбка: движение, застывшее в ткани, которая расширяется книзу, позволяя шагать, садиться, лежать — делать всё, что захочется, без ограничений.

Перчатки остаются. Но теперь они — часть образа, не случайность. Металл темнеет, приобретает оттенок бронзы, которая долго лежала на дне моря. На тыльной стороне проступают узоры — не нейронные связи теперь, а что-то другое: карты мест, где она ещё не была, имена, которые она ещё не произносила.

— Это ты, — говорит шеф, и это не вопрос. — Или начало тебя.

Марина смотрит в зеркало, и отражение смотрит в ответ. Не подчиняется — встречает. В серо-голубых глазах — тот самый тихий вызов, который коллеги принимали за холодность. Но здесь, в этом пространстве, он читается правильно: как готовность быть замеченной, как открытость к прикосновению, которое ещё не случилось.

— Есть ещё кое-что, — шеф делает жест, и одно из зеркал показывает не её — комнату. Не эту, другую. Там кресло, в котором она сидит в реальности, ремни тактильной обратной связи, шлем на голове. И рядом — ещё одно кресло. Пустое. Но не пустое: ремни слегка оттянуты, как будто кто-то только что встал.

— Система поддерживает совместное погружение, — объясняет голос, но Марина уже понимает. Видит, как цифры в углу зрения — те, что отслеживают пульс, температуру, уровень возбуждения — дергаются, реагируя на её ускорившееся сердцебиение.

— Кто?

— Тот, кто тоже ищет, — шеф улыбается, и в этой улыбке — всё, что Марина не говорила вслух: о вечерах, проведённых в одиночестве, о прикосновениях, которых не было, о желании быть видимой не как аналитик, не как специалист, а как тело, способное к удовольствию. — Но сначала — ты должна выбрать, что делать с этой свободой.

Зеркала гаснут одно за другим. Остаётся только пространство, Марина, и шеф, который теперь стоит ближе — на расстоянии вытянутой руки. Между ними воздух плотнеет, приобретает вкус: соль, сандал, что-то сладкое, что напоминает о детстве.

— Я могу коснуться? — спрашивает шеф, и вопрос — часть механики, Марина знает. Система требует согласия. Но знание не убивает ощущение: волоски на предплечье встают дыбом, ожидая.

Она не отвечает словами. Поднимает руку, бронзовая перчатка ловит свет, и делает жест — приглашающий, открытый, тот, который она никогда не позволяла себе в реальности, где каждое движение могли истолковать неправильно.

Шеф касается её запястья. Не кожи — перчатки, но ощущение проходит сквозь металл, точно система научилась проводить нервные импульсы. Марина чувствует, как пальцы обвиняют её ладонь, как большой палец касается внутренней стороны запястья — места, где пульс бьётся устойчиво, уверенно, совсем не так, как в моменты стресса в офисе.

— Ты здесь, — говорит шеф, и это звучит как признание, как одобрение, как начало чего-то, что ещё не имеет названия.

Марина смотрит на их соединённые руки — бронзу и свет, реальность и её отсутствие. В углу зрения цифры продолжают пульсировать, и она знает, что где-то, в двадцать третьем этаже московского офиса, её тело реагирует: дыхание учащается, кожа покрывается лёгким потом, сердце работает в ритме, который она не контролирует.

Но здесь, в этом пространстве между закатом и сумраком, она не прячется. Не анализирует. Не ждёт разрешения.

Она делает шаг навстречу, и мир расширяется, чтобы принять её движение.

Глава 3

Песок под ногами Марины становится мягче, почти влажным, когда она делает шаг навстречу Шефу. Текстура меняется — теперь это нечто среднее между шёлком и человеческой кожей, и каждый сдвиг веса вызывает лёгкое волновое движение, распространяющееся вокруг. Небо над ними пульсирует: одна половина густеет до цвета спелой хурмы, вторая — светлеет до оттенка старого фарфора.

— Ты расширяешь пространство, — говорит Шеф, и голос звучит ближе, хотя расстояние между ними не изменилось. — Это хорошо. Растянутое желание даёт лучший вкус.

Пальцы Шефа всё ещё обхватывают её запястье, бронзовые перчатки пульсируют под тонким металлом. Марина чувствует, как узоры на них смещаются — карты перерисовываются, имена меняют порядок букв. Она не отводит руки, не отступает. Воздух между ними густеет, пропитываясь запахом ванили, дыма и чего-то ещё — чего-то, что напоминает о первом прикосновении к горячей плите, о предвкушении боли, которая не приходит.

Шеф делает шаг в сторону, и Марина следует, вынужденная движением той руки, что всё ещё удерживает её запястье. Они проходят мимо длинного стола, и предметы на нём начинают звенеть — ножи из застывшего света изгибаются, повторяя контуры её бёдер, видимых сквозь разрез в платье. Вилки плетутся между собой, образуя узоры, похожие на переплетение пальцев во время особенно медленного секса.

— Здесь всё ест, — шепчет Шеф, уводя её к корням здания. — И всё даётся на съедение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.